

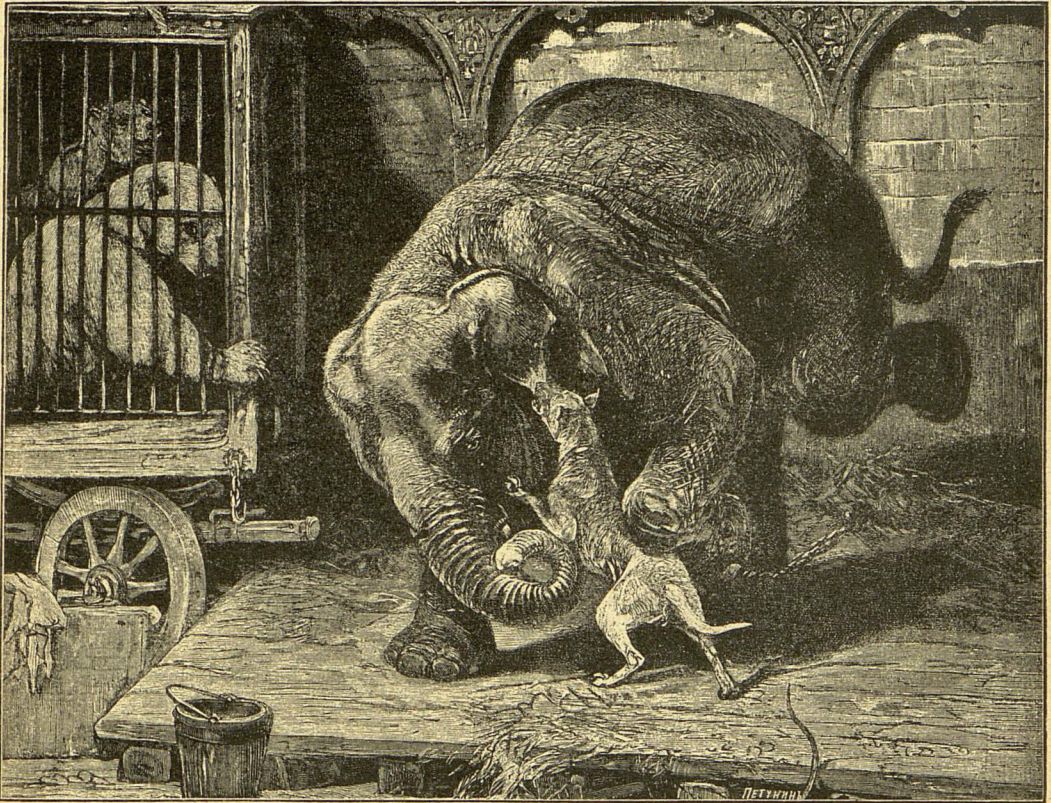
Свѣтлячокъ

1902 г.

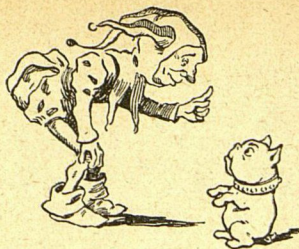

№ 19.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

П р и я т е л и .

Д р і я т е л и .

Къ намъ въ городъ пріѣхаль циркъ. Господи! мы, ребята, прямо съ ума сошли. Въ тотъ же вечеръ были на представленіи, видѣли лошадей, акробатовъ, клоуновъ, дрессированныхъ медвѣдей и, главное,—слона. Но что насъ удивило,—это то, что за слономъ постоянно бѣгала какая-то собачка. Дѣла не дѣлаетъ, а бѣгаетъ, и все лаеетъ «тяфъ-тяфъ». Смѣшная такая.

Я всегда, бывало, заводилъ знакомство съ служащими въ циркахъ, звѣринцахъ, балаганахъ.

И на этотъ разъ—свелъ я знакомство съ однимъ изъ цирковыхъ служителей,—ужь старикомъ. Онъ меня всюду водилъ, показываль лошадей, позволяль кормить медвѣдей, слона. А меня это страшно занимало; звали старика Кондратьичемъ.

— А что это за собака всегда за слономъ бѣгаетъ?—спросилъ я какъ-то.

— А это пріятельница его, — засмѣялся Кондратьичъ.

— Какъ такъ?

— Да ужъ такъ. Ты вотъ послушай, сынокъ. Какъ купили этого слона въ третьемъ году,—заскучалъ онъ страшно. Заскучалъ и сталъ капризничать, не слушается нашего хозяина, и полно. И ѣсть—не ѣсть толкомъ. Ахъ, батюшки!.. того гляди, захвораетъ да помретъ. Что ты съ нимъ дѣлать будешь? А была у меня собачонка, вотъ эта самая, которую ты видѣлъ, Филюшка — кличкой. Такъ вотъ эта самая Филюшка вертѣлась, вертѣлась подлѣ слона и все лаяла на слона да не зло, а такъ, шутки ради. Дня не прошло, подружились мои звѣри, да такъ, что водой не разольешь. По цѣлымъ днямъ Филюшка моя подлѣ слона вертится. Да играть же мастерица какая!.. Любодорого посмотрѣть. Начнетъ лаять, прыгать вокругъ слона, въ ухо ему вцѣпится, за хвостъ его ловить. А слонъ—то хоботомъ ее слегка тронетъ, то ногой чуть-чуть придавить. Вѣдь вотъ же у такого уroda,—а нѣжности, ласки—сколько хочешь. Сталъ мой слонъ

веселѣе. Сталь и ѣсть, и пить, и хозяина слушаться, словно ему это Филюшка все вразумила. Бывало, сядетъ противъ него и даетъ. «Что ты-де ломаешься? Ёшь!..»—А слонъ что же,—дашь ему булку,—а онъ Филюшку подманить да даетъ ей булку отгрызть, а потомъ самъ ѣсть. Добрѣющій слонъ, одно слово!..

Ну, вотъ только разъ Филюшка играть съ нимъ не стала. И день, и другой—и не смотритъ на слона. А потомъ ушла въ уголокъ и затихла. Заскучаль слонъ. Стоить, съ ноги на ногу покачивается.

Утромъ глянулъ я на Филюшку, а у нея шестеро щенятъ—маль-мала меньше,—а Филюшка надъ ними сидитъ да лижетъ ихъ. Я было наклонился къ ней,—на меня зубы оскалила. А слонъ было подошелъ,—такъ такъ зарычала на него, что ужасъ; бросилась на него,—вотъ-вотъ разорветъ въ клочья. И что жъ бы ты думалъ,—вѣдь слонъ-то отошелъ. Отошелъ себѣ въ уголь, понурился. Заскучаль, стало быть, старикъ... Хорошо. Куда было щенятъ дѣвать? «Дай,—думаю,—заброшу ихъ, куда ихъ съ собой таскать». Ну, отозвали мы Филюшку отъ щенятъ на веревку посадили, хотѣлъ было я кошелку со щенками взять,—не тутъ то

было. Сталь надъ ними слонъ, хоботомъ машеть, гудить такъ, что стѣны трясутся. А Филюшка на веревкѣ рвется, и лаеть, и рычитъ, и визжитъ. Пришлось пока щенята оставить въ покоѣ.

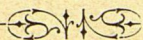
Прошло нѣсколько времени,—стали щенята подростать,—стала Филюшка убѣгать отъ нихъ на кухню поѣсть, попить кое-чего. Я улучилъ было разъ минутой, пошелъ за щенками. Опять меня слонъ не пускаетъ. Да еще что,—обхватилъ корзинку хоботомъ, поднялъ ее да подъ самый потолокъ да и поставилъ на полку.

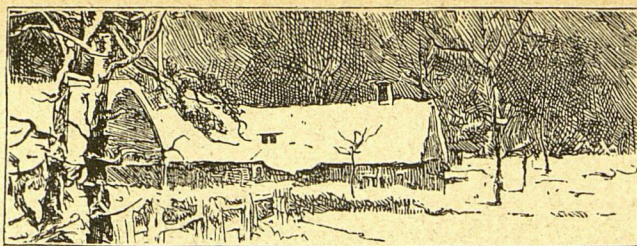
Прибѣжала Филюшка,—шерсть дыбомъ, хрипять, въ драку со слономъ лѣзеть.

Какъ увидалъ слонъ, что Филюшка пришла, снялъ онъ лукошко съ полки и поставилъ тихо-тихо на полъ, а самъ отошелъ къ сторонкѣ,—и, право, вѣрь ты мнѣ, глубоко вздохнулъ этакъ. Мнѣ даже жаль его стало.

Подросли щенята, разбѣжались, и остались Филюшка со слономъ опять одни, и теперь они другъ съ другомъ не разлучаются.

А. Доровъ.

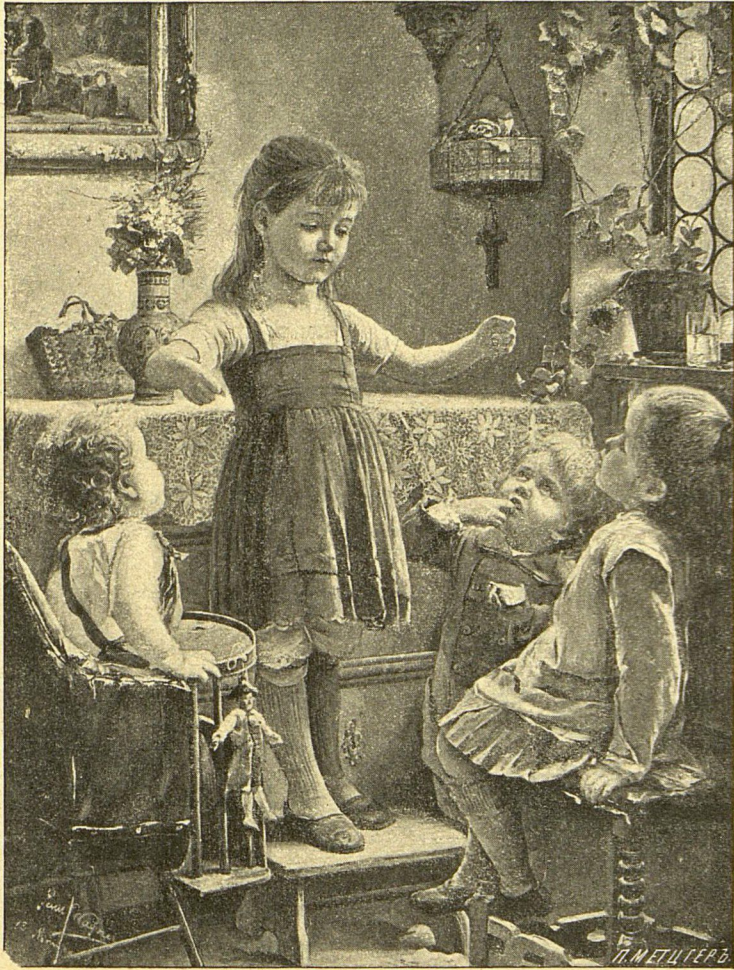

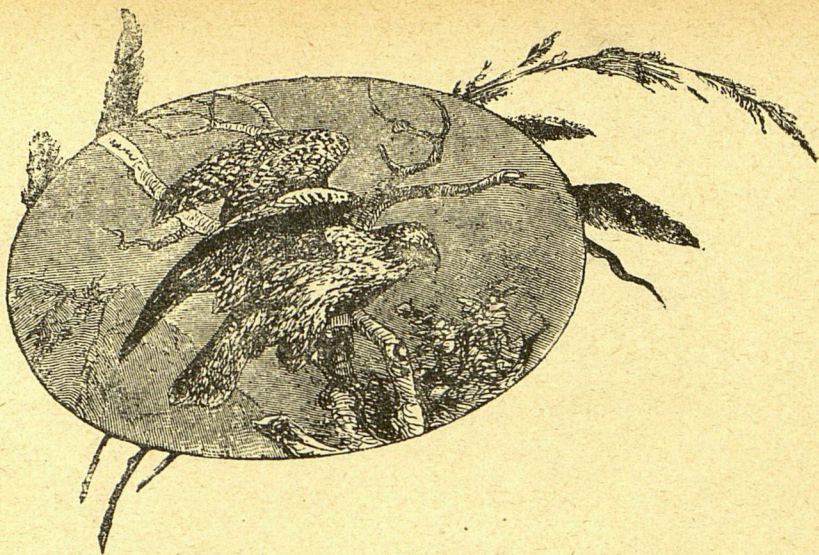
О с е н ь.

Съ лѣтомъ промчавшимся стихли и грозы,
Лѣсъ обнаженный печально стоитъ.
Сорванный листъ золотистой березы
Вихрь шаловливый высоко кружить
Тучекъ по небу плывутъ вереницы
Меленькій дождикъ крошитъ съ вышины.
Съ крикомъ прощальнымъ уносятся птицы
Съ родины милой до ранней весны
Шепчуть объ осени старыя ивы,
Чуя какъ-будто приходъ холодовъ;
Взгляда не радуютъ сжатыя нивы,
Говора пѣсней не слышно жнецовъ.
Въ скирды высокіе сложенъ даръ Божій,
Хлѣбомъ душистымъ запахло кругомъ.
Милостью неба любясь, прохожій
Съ чувствомъ чело осѣняетъ крестомъ.
Чу!.. закипѣла у риги работа,
Частую дробь выбиваютъ цѣпы;
Съ взрослыми тамъ и ребятокъ безъ счета,
Трудятся тоже, таскаютъ снопы:
— „Ну, мелюзга, подавай веселѣе!..“—
Шутятъ надъ ними кругомъ мужики:
— Вамъ за труды напекутъ полюбнѣе
„Въ праздникъ лепешекъ изъ свѣжей муки!..“

Б. Нечаевъ.

Угадайте, въ какой рукѣ конфетка?

Лѣтнею ночью *).

V.

И вотъ, когда они были уже у самаго погребѣ, стеклянная дверь веранды вдругъ открылась, и на ступеньки лѣстницы выбѣжала любимая хозяйка собака фоксъ-терьеръ Юмъ...

Юмъ въ красивой позѣ остановился на ступенькахъ, поднялъ оба маленькія уха и, смотря во мракъ дождливой ночи своими зоркими, обезьяньими глазами, прислушивался...

У него были чудный слухъ и удивительное чутье. Сквозь шумъ дождя, журчанье дождевой воды, бѣжавшей по канавкѣ, шелестъ листьевъ

*) Окончаніе. См. „Свѣтлячокъ“, 1902 г. №№ 17 и 18.

онъ услышалъ мягкіе, кошачьи шаги, чутьемъ угадалъ присутствіе двухъ воровъ...

Одинъ головоломный, сумасшедшій прыжокъ, и Юмъ очутился внизу и настигнулъ грабителей.

— Пфсс... пфсс... мяу!—раздалось по саду.

Два кошачьихъ силуэта шарахнулись въ разныя стороны; моментально хвостъ почтеннаго Мурки Петровича очутился въ зубахъ Юма, затѣмъ самъ Мурка Петровичъ, повинаясь непреодолимой силѣ, перевернулся два раза въ воздухъ, шмякнулся головой о мокрый песокъ дорожки, и, уже самъ не помня какъ, очутился на верху забора.

А Юмъ стоялъ, опираясь передними лапами на нижній скатъ погребной крыши и молча (Юмъ въ такихъ случаяхъ не только не лаялъ, но не издавалъ ни малѣйшаго звука) разгорѣвшимися глазами смотрѣлъ на съезжившагося на гребнѣ крыши мокраго и грязнаго Василя Ивановича.

— Собака, такъ ужъ собака и есть!—ворчалъ Василій Ивановичъ,—никакого порядочнаго обращенія не понимаетъ!.. Хватаетъ за что ни случится: за горло—такъ за горло, за ухо—такъ за ухо!.. Право, собака!

— А ты это что надумалъ? А?—спросилъ Юмъ,—хозяйское добро таскать?

— Не твое вѣдь, а хозяйское! Тебѣ-то что?

— Какъ что? Я обязанъ хозяйское добро стеречь!

— Обязанъ! Эка собака какая! Шея до сей минуты болитъ, и бокъ совсѣмъ мокрый!

— Ничего! Вычистишь, лежебокъ!

— Вычистишь! — ворчалъ Василій Иванычъ,—и какъ это я не разглядѣлъ, да шеей объ крышу ударился!.. Вѣдь налетѣлъ, какъ вѣтеръ, нежданно, негаданно, никто его не видалъ; не слыхалъ! У, собака! Да уйди ты пожалуйста, меня вѣдь дождикъ мочить! Ну, чего уставился? Вѣдь не сойду, до утра буду сидѣть,—не сойду!..

— Вымокнешь!—сказалъ Юмъ.

— Ну и вымокну! Тебѣ что!—огрызнулся Василій Иванычъ.

— Вамъ, котамъ, это не нравится!..

— А тебѣ нравится?

— Я сейчасъ домой пойду! Видно, тебя не дождешься!

— Ни за что не дождешься!..

— А я еще покараулю!

— Карауль!

Но въ это время дверь веранды открылась, и хозяйка, высунувшись, крикнула:

— Юмъ!

— Ну, нечего дѣлать, твое счастье!—сказалъ Юмъ и въ нѣсколько скачковъ очутился на верандѣ.

Василій Ивановичъ, ворча что-то себѣ подъ носъ, осторожно слѣзъ съ крыши и, обходя лужи, направился къ кухнѣ...

VI.

Дождь понемногу пересталъ, тучи разошлись, и на темно-голубомъ небѣ затеплились звѣздочки. Въ канавкѣ все еще урчала дождевая вода, словно торопилась поразсказать о томъ, что было въ эту ночь. Въ канавкѣ, на кочкѣ сидѣла Кваква Терентьевна и, поднявъ кверху голову, выпуча глаза, съ наслаждениемъ дышала сыростью.

— «Вотъ это погода! Это я понимаю!—говорила она себѣ,—давно не было такого пріятнаго дождя! Теперь такъ все кругомъ намокло, что въ два дня не высохнетъ. Въ канавкѣ вода сбѣжитъ, пойду на огородъ. Тамъ, между грядъ столько воды, что одно раздолье! Вотъ гдѣ купаться-то!»

— Ж-ж-жу!—прожужжалъ жукъ и шлепнулся объ землю въ двухъ шагахъ отъ лягушки.

— Откуда вы? Издалека? — спросила лягушка.

— Нѣтъ! Вонъ съ того огорода! Я тамъ подъ яблонью пережидалъ дождь!—отвѣчалъ жукъ.

— А что, тамъ очень залило?..

— Ужасно! Цѣлое наводненіе! Насмотрѣлся я на страданіе цѣлой семьи мышенятъ, просто вчужѣ жаль!

— А что?

— Наводненіе залило совсѣмъ норку, жить не гдѣ стало! А семейство большое! Куда дѣваться!.. И кротъ, говорятъ, пострадалъ: тоже залило!.. Нѣтъ, знаете ли, этотъ дождь надѣлалъ много бѣды!

— А мнѣ хоть бы что!..

— Конечно! Кому на пользу, кому во вредъ! — замѣтилъ жукъ.

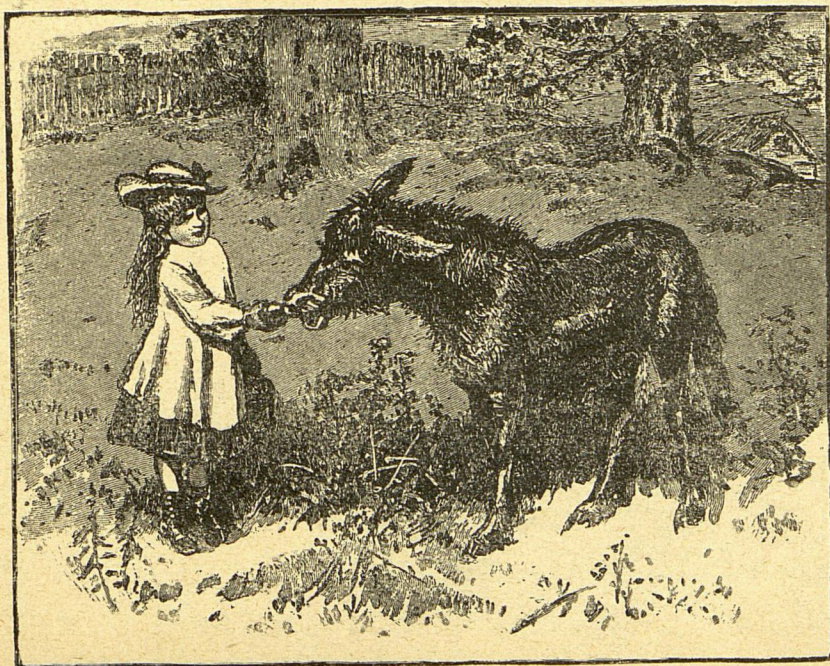
Ночь только для людей казалась тихой, въ дѣйствительности же она была полна звуковъ, полна движенія. Нѣкоторымъ дождь былъ въ пользу, инымъ причинилъ много хлопотъ; земляные черви, молюски, ракушки—были очень довольны, даже счастливы;— жуки же, мухи,

бабочки и даже птицы тревожились и ждали съ нетерпѣніемъ утра и солнца.

Среди нихъ шель большой переполохъ: у однихъ дождемъ залило ихъ жилища, а были и такіе, которые пострадали сами. Одна бабочка лежала, распластавшись крылышками на мокромъ пескѣ, и не могла встать; она ужъ совсѣмъ изнемогла, почти умирала. Носились слухи, что въ лужѣ утонулъ комарь.

Всѣ насѣкомыя боялись, дрожали за свою жизнь и съ нетерпѣніемъ ожидали первыхъ солнечныхъ лучей...

Изв. Баранцевичъ.

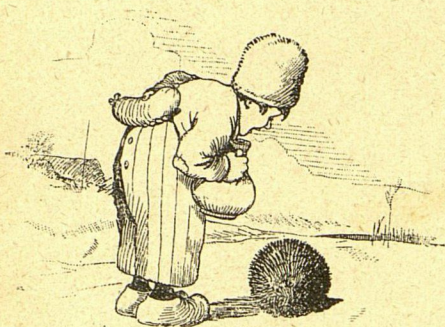

„Кушай, пожалуйста!“

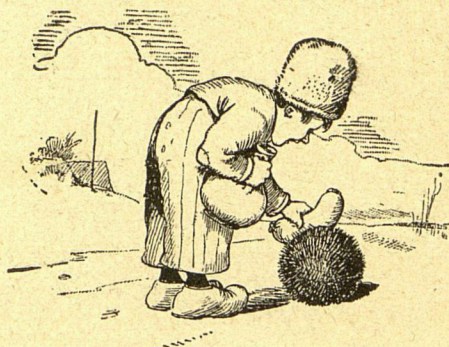
Потѣшныя странички.

— * * —

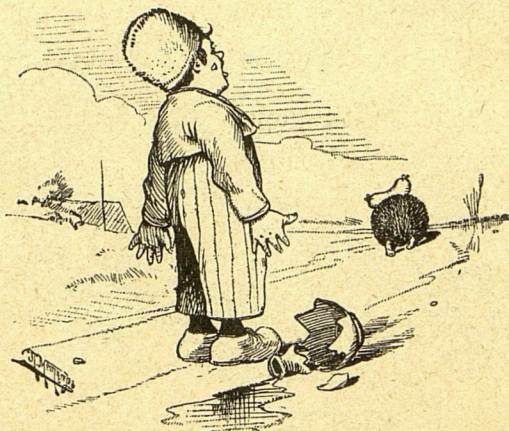
Е Ж Ъ — С Е Б Ъ Н А У М Ъ .

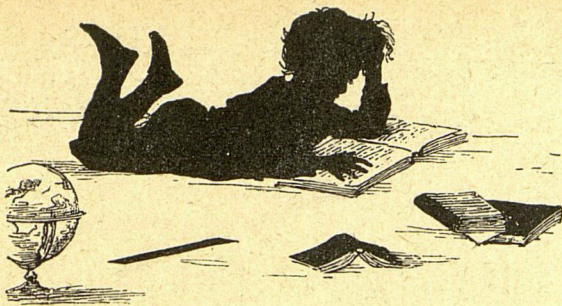
1.

2.

3.

Ежъ — себѣ на умѣ.

Увидѣлъ мальчикъ
Ежа, и руки
Побаловаться
Зудять отъ скуки.

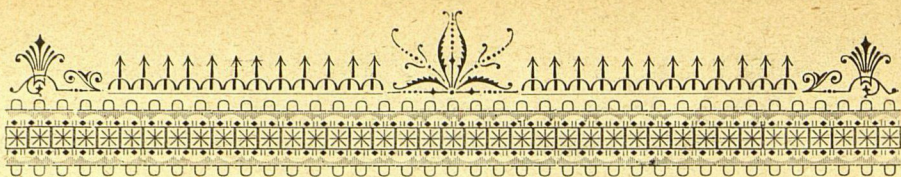
Кладеть на спинку
Ежу колбаску.
— „Вези! — смѣется, —
„Иль задамъ таску!..“

Съ своею ношей
Вдругъ ежъ помчался;
Обѣдъ хорошій
Ему достался,
А бѣдный мальчикъ
Ни съ чѣмъ остался.

Плчачъ - Основа.

Мушка-вострушка.

(Игра).

Играющихъ можетъ быть сколько угодно.

По жребію выбираютъ Мушку-вострушку.

Остальные играющіе называются—кто медомъ, кто сахаромъ, кто вареньемъ или какимъ-нибудь кушаньемъ. Но Мушка-вострушка не должна знать, кто какъ называется.

Затѣмъ въ комнатѣ всѣ становятся большимъ кругомъ, хорошо вокругъ cadaго очертить мѣсто мѣломъ или углемъ.

Вотъ входитъ въ середину круга Мушка-вострушка и говоритъ:

Я Мушка-вострушка
Все лѣто порхала,
Пила лишь, да ѣла.
А осень настала
Мнѣ некуда дѣться;—

Меня вы спасите
И здѣсь пріютите,—
Чтобъ мнѣ обогрѣться,
Напиться, наѣсться.

Кто-нибудь изъ играющихъ спрашиваетъ:

— А ты что да что, Муха-воструха, любишь?

Муха отвѣчаетъ на примѣръ: Медъ и патоку (то есть называетъ двоихъ играющихъ, назвавшихся такъ).

Въ то время названные должны быстро переимѣниться мѣстами, а Муха—должна успѣть занять мѣсто одного изъ нихъ. Тогда оставшійся безъ мѣста, въ свою очередь, называется Мухой-вострухой.

Но чаще всего бѣдная Мушка-вострушка долго-долго бьется въ кругу, не находя себѣ мѣста. ⊗